

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на 5 мѣсяцев	8 франк.
» 3 мѣсяца	5 »
» 2 мѣсяца	3 »
» 1 мѣсяць	2 »

ВЫХОДИТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ
1 И 15 ЧИСЛА

Отдѣльные нумера продаются
по 1 франку въ книжномъ магазинѣ
H. GEORG, Genève, rue de la
Corraterie, 10.

Телеграммы, письма и корреспонденціи въ редакцію адресуются: rédaction du journal « LA PAROLE LIBRE », Chemin Dancet, 15, Genève.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Prix du numéro: 1 Franc.

15-ое АВГУСТА 1882

СОДЕРЖАНИЕ.

1) Политическая прозорливость и патриотизм по понятіямъ самобытчиковъ.—2) Г-жа Adam и дѣвица Устинья Глинка.—3) Русская полиція въ Парижѣ (корреспонденція «Вольн. Слова»), Василія Сидорацкаго.—4) Секретъ Полиппеля—тайна для самодержца.—5) Корреспонденція: а) Причина отставки барона Николаи, М. Т-ова. б) Въ Сибири, Д. Р-ха Н-ка. в) Списокъ 59 политическимъ ссыльнымъ, сего же. г) Борьба партій и рабочее движеніе въ Австріи, II, В. Мак.—6) Процессъ, постыдный во всѣхъ отношеніяхъ, М. Драгоманова.—7) Талмудъ ли, или жизнь пренитствуетъ евреямъ заниматься производительнымъ трудомъ? Г-на М.—8) Письма о политико-соціальныхъ партіяхъ во Франціи, III: децентрализационная реформа.—9) Извѣстія и замѣтки: политическіе процессы въ Одессѣ; «народна странка»; аутода-фе въ Москвѣ; національные гимны Франціи и Россіи; побѣды политическихъ арестантовъ; «соціалистка» по понятіямъ мирового судьи; генералы Каптакузинъ, Кутансовъ и Грессеръ; два новыхъ изданія для Россіи; аграрное движеніе на Украинѣ; аграрное убійство.—10) Объявленія.

ЖЕНЕВА, 15 августа 1882 г.

«О мертвыхъ или ничего не говорить или говорить хорошее» — гласитъ латинская пословица. Мы вполне согласны слѣдовать этому правилу, но съ условіемъ, чтобы и другіе «живые» не искажали памяти мертвыхъ и не приписывали имъ ничего несообразнаго съ ихъ жизнью и характеромъ. А что можетъ быть болѣе болѣе искаженіемъ личности покойнаго, какъ не приписываніе ему качествъ и достоинствъ, свойственныхъ совершенно иному образу жизни и роду дѣятельности? Что бы сказали читатели Гоголя, еслибъ нашелся кто нибудь выхваляющій болѣе всего покаянные письма этого великаго юмориста! Развѣ ихъ чувство справедливости не возмутилось бы отъ такой недостойной похвалы?

То же испытываемъ мы, читая въ русскихъ газетахъ панегирики Скобелеву, какъ глубоко мыслителю и прозорливому политику! Скобелевъ,

знатокъ всѣхъ отраслей военного ремесла, обладавшій всѣми качествами полководца, отъ личнаго безстрастія до обдуманнаго направленія дѣйствій многочисленной арміи, былъ только военнымъ, жилъ только для войны и гдѣ бы ни находился—всегда и на все смотрѣлъ съ военной точки зрѣнія. Мы говоримъ это вовсе не въ упрекъ покойному: специалисту и мастеру своей специальности, ему естественно было о ней только и думать и ею одною только и заниматься. Если у этого талантливаго человѣка была выдающаяся слабость, то именно слабость считать себя дипломатомъ, слабость такъ же мало омрачавшая его достоинства, какъ любовь Фридриха Великаго къ игрѣ на флейтѣ, по которую истиннымъ друзьямъ покойнаго едва-ли пріятно видѣть выставляемою на показъ.

Живая, страстная, нетерпѣливая натура Михаила Дмитріевича дѣлала его неспособнымъ углубляться въ сложныя и хитросплетенныя политическія отношенія, а сознаніе своихъ силъ и преимуществъ падъ другими въ состязаніи на ратномъ полѣ невольнo влекло его къ перенесенію спорныхъ политическихъ вопросовъ на арену боя съ оружіемъ въ рукахъ. Въ теченіе послѣдняго года, когда смертельная болѣзнь, посимая имъ въ груди, уже брала верхъ надъ его жизненною силою, Скобелевъ, томимый скукой и пошлостью будничной среды, на которую его осуждали глубокий миръ и русское государственное устройство, поддавался совѣтамъ людей, желавшихъ загребать жаръ его руками и умѣвшихъ воспользоваться его единственною слабостію: онъ повѣрилъ, что успѣетъ однимъ своимъ появленіемъ въ Западной Европѣ соединить всѣ кабинеты противъ Австріи и Германіи и остановить исполненіе ихъ плановъ на Востокѣ!

Оцѣнивая на этомъ самомъ мѣстѣ, въ

№ 28 нашей газеты, значеніе побѣдки Скобелева и его рѣчей, мы выразили опасеніе, что онѣ произведутъ результаты прямо противоположныя желаемымъ, вызовутъ рѣшительныя мѣры для подавленія югославянскаго движенія, сплотятъ союзъ Австріи съ Германіей и возбудятъ всеобщее недовѣріе къ Россіи. Мы имѣемъ въ нашемъ распоряженіи доказательства того, что Скобелевъ самъ быстро созналъ свою ошибку; послѣ своей парижской рѣчи онъ впалъ въ глубокое уныніе, совершенно отказался отъ всякой дѣятельности въ пользу юго-славянъ, потерялъ охоту къ дипломатіи и политикѣ и какъ бы охладѣлъ къ самой жизни: онъ чувствовалъ, что судьба его свершилась.

Приличіе, достойное было бы, у свѣжей могилы этого славнаго воина, вовсе умолчать о крупной ошибкѣ въ его жизни — плодъ болѣзненнаго состоянія, которое уже влекло его неудержимо къ смерти. Въмѣсто того, неловкіе или притворные друзья Скобелева въ этой то ошибкѣ и хотятъ видѣть главный его подвигъ. Къ стыду публицистовъ, кичащихся названіемъ независимыхъ или народныхъ, мы должны сказать, что въ настоящемъ случаѣ даже петергофскій узникъ — иначе самодержавный царь — высказалъ болѣе вѣрное сужденіе: въ телеграммѣ къ сестрѣ Скобелева царь говоритъ о потерѣ для арміи, жалѣетъ Скобелева какъ военнаго.

Напечатанная въ іюльской книжкѣ «Русской Старины» «Записка Скобелева по Восточному вопросу», главные выводы которой перепечаташи не только во всѣхъ русскихъ, но и въ большей части иностранныхъ газетъ, выставляется «Русью», «Московск. Вѣдомостями» и tutti quanti, какъ какое то откровеніе, которому обязана слѣдовать Россія и противорѣчіе съ которымъ равносильно государственной и народной измѣнѣ.

рабочих, каковым правом они и воспользовались. За тем владыц копей переменили статут касет так, чтобы впредь рабочие имели право отбывать только 33 1/3% вклада. Тогда собственно и началась стачка в окрестностях Дукса, а потом (26 апреля) и в окрестностях Брикса. Явились, конечно, жандармы и войско. Рабочие обратились к окружному начальнику (Bezirkshauptmann) с просьбой разрешить им собраться для обсуждения своего положения. Начальник, Мербеллер, дал разрешение, но окружил место митинга войском и присутствовал на собрании сам вместе с старшим горным комиссаром, горным директором, главноуправляющим и владыц копей (Шнейдером); от рабочих было по 6 депутатов с каждой из 33 копей. Масса рабочих стояла около. Митинг, после речей рабочих, жаловавшихся особенно на то, что вспомогательные кассы, которыми завязывают хозяева, служат к большей зависимости от них рабочих и после ответов главноуправляющего, постановил единогласно: уничтожить теперешние кассы, заменив их одною общею, провинциальною под завязыванием государства; уменьшить рабочий день на 8 часов, отменить работу в воскресенье, кроме экстренных случаев и за двойную плату, отменить работу по индивидуальному договору, а не за почасную плату; установить минимум почасной платы 180 кр., не принимать рабочих моложе 16 лет, установить инспекторов копей по выбору рабочих, канцелярий для присмотра работы, издать закон о вознаграждении за увечья, об отплате у владыц права прогнать рабочего без суда. Мы пропускаем постановления о второстепенных льготах.

Читатель и без наших объяснений видит, насколько выросли требования рабочих сравнительно с вышеописанной стачкой. Представители правительства опять попробовали предложить рабочим покориться на правительство и прекратить стачку. Но рабочие ответили, что теперь они доверяли к министерству иметь не могут. Мербеллер предложил единственную практическую меру, — что рабочие, взявшие свои вклады, могут быть приняты на работу, если они до 15 мая обещают уплатить взятую сумму, как будто заем. Рабочие сорвали объявление об этом со стенок. Тогда правительство стало прямо на сторону хозяев. По желанию последних, заведенному на их митинг 27 апреля в Тенлиц, были высланы значительные военные отряды; агитаторы и «защитники», которые-де терроризируют смиренных рабочих, были арестованы; массе рабочих дано 24 часа срока: принимать работу на status quo, или нет; в последнем случае они отправлялись под конвоем на место рождения или, при малейшем поводе, арестовывались. Гр. Тааф, который недавно предлагал рабочим officium boni viri, теперь угрожал им даже военным положением. После ареста до 200 человек и разогнания одного сбора рабочих драгунами, стачка окончилась, и в первых числах мая в копях возстановилось старое житье.

Стачка не достигла непосредственных результатов, но моральное ее значение велико. Она осветила рабочий вопрос в Австрии и показала рабочим, что они не могут надѣ-

яться ни на кого, кроме себя. Вместе с тем она поставила перед всеми мыслящими людьми вопрос об отсутствии в конституционной Австрии настоящей свободы. Либеральная «Wiener Allgemeine Zeitung» по этому поводу написала: «Известия из округа Дукса заставляют думать, будто рабочие, которые приостановили работу, совершили преступление, вопиющее к небу. Мы только и слышим, что об энергичных мерах, жандармах, стрельбах, арестах и т. п. Весь аппарат правительственной власти направлен против стачечников.... Но мы требуем, чтобы и работникам предоставлено было право защищать свои интересы забастовками и стачками. Мы желаем свободы коалиции, которую фактически имеют третьи сословия, также и для четвертого.... В последнее время много говорилось в парламентах о нуждах и потребностях народа, но, кажется, ни одна из великих партий не может подняться до мысли, чтобы дать работникам свободу. О них говорят с большими симпатиями, а не отрицают ни одного закона, направленного против них».

В. Ман.

ПРОЦЕССЪ, ПОСТЫДНЫЙ ВО ВСѢХЪ ОТНОШЕНИЯХЪ.

Всякий политический процесс более или менее дѣло постыдное, так как главная суть таких процессов всегда есть нападение на то, что составляет священнейшую часть человека, по большей части независимую даже от его собственной воли, — на его убеждения. Но, по большей части, стыд политического процесса падает на сторону виновную; сторона же преследуемая почти всегда выходит из такого процесса с нравственным побѣдою, при чем общественное мнѣние получает возможность показать, что в среднем частном человеке всегда есть доля чести и здравого разума, которые влекут его на сторону людей убеждения, как бы это убеждение не казалось преступно господствующему политическому порядку и его представителям. Но наднях окончился в Галиции процесс, занимавший собою общественное мнѣние всей Славянщины и отчасти даже всей Европы, а ближе всего Галиции и России с их польскою и русскою печатью, процесс, в котором и преследователи, и преследуемые, и публика с печатью, — оказываются почти одинаково опозоренными, — так что, если назвать политические процессы, подобно гоголевской «просто приятной дамѣ», — просто постыдными процессами, то этот процесс, в соответствии «дамѣ приятной во всех отношениях», по справедливости должен быть назван «процессом, постыдным во всех отношениях».

Пальма первенства в дѣлѣ самопосрамления принадлежит, конечно, винователям и подстрекателям обвинения: судебному ведомству конституционной австрийской империи и в частности королевства Галиции, которое названо было не очень давно в одной жевневской социалистической газетѣ «самою свободою частью Польши», и печати господствующаго в этом королевствѣ польскаго общества, со страниц которой не сходять слова в родѣ «свободы».

Извѣстно, что «Королевство Галиция и Владимирія с Великим Княжеством Краковским» (таков полный титул сей автономной области конституционной австрийской империи) населено двумя народами: поляками и русинами (именит. падеж единств. числа русинъ, прилагат. рускій, какъ турчинъ, сербинъ, — турскій, сербскій). На счет взаимных этнологических отношений этих двух частей населения королевства Галицкаго существуют, какъ извѣстно, в литературѣ споры, ибо только о том, что $2 \times 2 = 4$ споровъ нѣтъ. Къ осложнению споровъ служитъ прежняя исторія и самое имя русинъ, а особенно прилагательное — рускій (по выговору руськый). Одни говорят, что галицкіе русины, входившіе съ XIV в. въ составъ польскаго государства, представляютъ такую же часть польскаго народа, какъ и кракусы, мазуры и т. п.; другие утверждают, что галицкое русское население (по польски — *ruski naród*) есть только разновидность единого русскаго народа, котораго самым типическим представителем служатъ великоруссы, (по польски называемые *moskale* или *rossyjanie*; в России же чаще всего называемые просто русские, — при чем удвоение *s* есть заимствование из греческаго и латинскаго правописанія, по которому одно *s* между двумя гласными читалось бы какъ *э*). Третье утверждают, что русины галицкіе есть часть племени украинскаго, или малорусскаго, или какъ тамъ хотите называйте, но особаго и от поляковъ и от великоруссовъ. Четвертые наконецъ думают, что русины галицкіе (по нѣмцки — *рутенъ*) есть часть племени, живущаго только в Австрии (в Галиции, Буковинѣ и Вост. Венгрии), особаго и от поляковъ, и от москалей, и от російскихъ украинцевъ*).

*) Каждому изъ этихъ мнѣній соответствует и особый культурный типъ, — при чем до недавняго времени большая часть галицко-русской интеллигенции принадлежала къ типу рутенцевъ, съ тенденціями клерикальными (уніатскими) и монархическими (габсбургскими) и съ соответственнымъ литературнымъ языкомъ, мѣшаниною кievско-вiленскаго славенорусскаго лит. языка XVI—XVII ст. съ польскими и нѣмецкими прибавками. Этотъ языкъ назывался в Галиции по старому русскимъ или русскимъ. Съ 60-хъ годовъ сильнѣе стало напирать на Галицію украинское вліяніе изъ России и поддержало стремленіе къ сближенію письменности съ простонароднымъ языкомъ, который тамъ почти тождественъ съ языкомъ приднѣпровской Украины. Поднялась борьба между старою, русскою или русскою (рутенскою) партией и молодою: народною или украинскою. Въ тоже время в Галицію перенесена была изъ России борьба между русскими (великорусскими) централистами и украинскими федералистами, — при чем рутенцы смѣшались съ новыми русскими, которые, какъ увидимъ далѣе, въ сущности остались рутенцами. Въ последнее время (послѣ холмскихъ событій) часть старшихъ рутенцевъ изъ уніатскаго нерасположенія къ «московскому» православію склонилась къ народоуцамъ или украинцамъ. — Будучи преимущественно культурными, галицкія партіи имѣютъ и соответственные оттѣнки и политическіе, и социальныя стремленія, при чем болѣе горячіе украинцы и новыя русскіе явно склонны къ демократизму. Самые радикальные изъ тѣхъ и другихъ (молодежь) положили начало мѣстной социалистической партіи, которая впрочемъ в литературномъ отношеніи совсѣмъ сливается съ украинцами. (Подробности см. в нашихъ статьяхъ в В. Евр. 1873 г.: «Русскіе в Галиции» и «Литератур-

Можно, конечно, сожалеть, или, пожалуй, потешаться при видѣ такихъ разногласій, но съ точки зрѣнія свободы — всѣ эти мнѣнія имѣютъ равное право на существованіе; съ точки зрѣнія здраваго разума надо предоста- вить установленіе рѣшенія между этими мнѣніями наукѣ, а принятіе его для прак- тическихъ цѣлей самимъ русинамъ. Съ точки зрѣнія практической для поляковъ можетъ имѣть значеніе только рѣшеніе вопроса о тождествѣ или различіи русиновъ съ поляками, при чемъ наиболѣе практическаго значенія имѣ- етъ для нихъ то обстоятельство, что зако- номъ, управляющимъ Галиціей, этотъ вопросъ уже рѣшенъ — въ пользу отдѣльности ру- синовъ, кто бы они ни были.

По всѣмъ этимъ резонамъ судебное вѣ- домство въ Галиціи, на сколько бы польское оно ни было, не имѣетъ юридическаго права вмѣшиваться въ вопросъ о томъ, какъ какой галицкій русинъ понимаетъ свою національ- ность; польская же печать совсѣмъ не имѣ- етъ правственнаго права дѣлать изъ такого или иного пониманія вопроса о националь- ности галицкихъ русиновъ вопросъ престу- пленія.

И однакожь мы видѣли совсѣмъ против- ное тому въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ ареста и суда надъ нѣсколькими человѣками, притянутыми къ дѣлу «о государственной измѣнѣ», состоявшей будто бы въ намѣреніи оторвать отъ Австріи земли, населенныя русинами и присоединить ихъ къ Россіи.

Дѣло это возникло въ слѣдъ за тѣмъ, какъ стало извѣстно, что громада Гин- лички заявила желаніе перейти изъ уни въ православіе*). Такой переходъ дозволенъ въ Австріи, такъ какъ тамъ каждый имѣ- етъ право объявить себя даже вовсе безъ всякаго вѣроисповѣданія, а также и по то- му, что въ Австріи, въ ряду другихъ закон- ныхъ церквей, существуетъ и православная, къ которой принадлежатъ, кромѣ сербовъ и румынъ, и русины буковинскіе. Польская пресса подняла крикъ, что тутъ сокрыта агитація изъ Россіи противъ цѣлости Ав- стріи, прокуратура кинулась обвинять и арестовывать причастныхъ лицъ, потомъ даль- нѣйшихъ, — дѣло расширилось и составилъ процессъ, по статьямъ, изъ которыхъ одна угрожаетъ смертною казнью. Процессъ окон- чился впрочемъ не такъ трагически. При- сяжные не нашли государственной измѣны и оправдали вовсе тѣхъ лицъ, на которыхъ главнымъ образомъ мѣтило обвиненіе (Ольгу Грарбаръ и отца ея, Ад. Добрянскаго), какъ на организаторовъ измѣны и посредниковъ между туземными измѣнниками и загранич- ными врагами цѣлости Австріи; обвинены только четыре человѣка, всѣ болѣе или ме- нѣе непосредственно прикосновенные къ дѣ- лу, — замѣтите не измѣны, которой присяж- ные не признали, — а православной пропа- ганды, — которую присяжные признали въ данномъ случаѣ «смущеніемъ общественнаго спокойствія», — и приговорены къ наказанію: крестьяне Штупдеръ и Заускій на 3 мѣся-

ца тюремн. заключенія, редакторъ газеты «Слово», Площанскій на 5 м., свящ. Иванъ (или какъ называется сей упіатскій священ- никъ, русинъ, въ собственныхъ корреспонденціяхъ «Голоса» изъ Львова, писанныхъ въ Петербургѣ по нѣмецкимъ газетамъ, Иоганнъ!) Наумовичъ на 8 мѣсяцевъ.

Уже и это обвиненіе даже присяжными, — которые всегда обнаруживаютъ больше нравственнаго и политическаго такта, чѣмъ лица судебного вѣдомства, — не дѣлаетъ чести представителямъ польскаго общественнаго мнѣнія въ Галиціи, обнаруживъ въ немъ уз- кій конфессіонализмъ: ставши на самую строгую юридическую точку зрѣнія, можно было признать развѣ только одного подсуди- маго, г. И. Наумовича, виновнымъ въ под- держаніи ложныхъ слуховъ и то по легко- мыслию «деревенскаго политика», какъ вы- разился одинъ изъ свидѣтелей, такъ какъ г. Наумовичъ, на основаніи такихъ вещей, какъ извѣстіе о томъ, что подъ Перемыш- лемъ схвачены русскіе инженеры, считалъ возможнымъ говорить, что скоро Россія займетъ Галицію. Всякая же агитація въ пользу православія, — почему бы она ни производилась, изъ серьезнаго ли убѣжденія, или только съ расчетомъ напугать Римъ и принудить его благосклоннѣе отнестись къ русинамъ-упіатамъ, какъ объясняетъ свои дѣйствія г. Наумовичъ (нравственное досто- инство подобныхъ объясненій судится не уголовнымъ судомъ!), — не можетъ состав- лять «нарушенія общественнаго спокой- ствія», по австрійскимъ законамъ.

Но независимо даже и отъ такого, хоть и мягкаго, но все же противозаконнаго и постыднаго, обвиненія подсудимыхъ львовски- ми присяжными, оконченный процессъ со- ставляетъ крайне позорную страницу въ ис- торіи австрійскихъ судовъ по своему обви- нительному акту и по всему тому, что гово- рилось на судебномъ слѣдствіи и прокуро- ромъ, и судьями, и даже присяжными, — особенно старшиною ихъ, г. Рыльскимъ.

Можете себѣ вообразить, что прокуроръ находилъ преступнымъ выраженіе печатнаго мнѣнія, что русскій языкъ галичанъ есть то- же самое, что русскій языкъ великорусовъ, — что православіе было вѣрою отцовъ тепе- решнихъ упіатовъ и т. п. Старшина присяж- ныхъ ни съ того ни съ сего излагалъ под- судимымъ, какъ обязательны, свои мнѣнія о туранизмѣ населенія Великороссіи! Про- куроръ и весь судъ занимались разборомъ сочиненій Погодина и Фадѣева, относитель- но сношеній съ которыми лично кого бы то ни было изъ подсудимыхъ не было въ дѣлѣ ни- кого указанія, — ставили въ вину подсуди- мому г. Площанскому, ставшему редакторомъ «Слова» въ 1871 г., статью (о единствѣ языка всея Руси отъ Карпатъ до Амура), напечатанную въ этой газетѣ въ 1867 г. Другому подсудимому ставили въ вину то, что онъ посылалъ газеты и переносывался съ г-мъ Побѣдоносцевымъ, хотя на пре- ступность содержанія этой перенески ни- какого указанія въ документахъ, предло- женныхъ суду, не было. Впрочемъ, по этой части курьезность львовской юриспруденціи дошла до того, что другому подсудимому ста- вили въ вину то, что у не нашли именно

такихъ писемъ, какихъ искали: значить де истребили, — слѣдовательно были преступ- наго содержанія!!

Мы должны бы были переписать полови- ну говорившагося въ теченіе 34 засѣданій, если бы вздумали перечислить всѣ юриди- ческіе абсурды этого страннаго процесса. Если эти абсурды служить только къ позору галицкаго судебного вѣдомства, — то не служить къ чести и подсудимыхъ то, что они своею покорною разговорчивостью поощряли гг. судей превращать судъ не то въ литера- турный кружокъ, не то просто въ кафе съ пріятельскою болтовнею, въ концѣ которой однакоже грозить юридическая кара за то или другое религіозное, филологическое, а то и археологическое мнѣніе. Вопросы, не идущіе къ дѣлу, слѣдуетъ просто останавливать, чтобы и впредь было не повадно, — а это подсудимые дѣлали очень рѣдко, такъ что у львовскихъ прокуроровъ и судей охота къ криминально-археологическимъ упражненіямъ не только не отбита, а еще пожалуй по- ошрена*).

Впрочемъ, подсудимые такъ зарекомендо- вали себя на судѣ съ умственной и правствен- ной стороны, что отъ нихъ нельзя и ждать чего либо похожаго на достоинство и тактъ, на твердую зашпиту нравъ личныхъ и националь- ныхъ. Г. Площанскій, напр., съ ущербомъ для себя въ мнѣніи присяжныхъ, не хотѣлъ сознаться, что онъ получалъ субсидію отъ кіевского славянскаго комитета, тогда какъ объ этой субсидіи говоритъ печатный отчетъ комитета, и тогда какъ въ этомъ нѣтъ никакого преступленія, такъ какъ вообще не доказано, чтобы славянскіе комитеты имѣли въ виду разру- шеніе Австріи, а въ частности сомнитель- ные съ этой стороны рѣчи кн. А. Васильчи- кова и гр. Вестужева-Рюмина въ петер- бургскомъ комитетѣ произнесены были въ 1877 и 1879 г., а г. Площанскій, получивъ субсидію отъ невиннаго въ этихъ рѣчахъ кіевского комитета и при томъ еще въ 1873 году; но самъ г-нъ Пло-—скій назвалъ передъ судомъ своего конкурента г. Купчанка, какъ лицо, обращавшееся въ к. комитетъ за субсидіей для предполагаемой имъ газеты, хотя г. Купчанко не былъ на- званъ въ обвинительномъ актѣ. Г. Добрян- скій, протестовавшій противъ подозрѣній, что онъ нажилъ себѣ значительное состояніе (на 260,000 гульд.) подарками изъ Россіи (мы тѣмъ охотнѣе вѣримъ г. Добрянскому, что онъ былъ чиновникомъ по успокоенію Вен- грин послѣ возстанія 1848 — 1849 г.), — самъ въ тоже время обвинялъ своихъ ли- тературныхъ и политическихъ противниковъ «украинomanовъ» въ томъ, что они приго- товляютъ революцію въ Россіи и Австро- Венгрии «на англійскія деньги». Г. Наумо- вичъ, котораго агитація въ пользу правосла- вія и симпатія къ церкви російской (повто- ряемъ, вѣщи не преступныя, за которыя ува- жающій себя подсудимый долженъ былъ сто- ять твердо) доказаны очевидно его пись- мами и показаніями свидѣтелей, — вдругъ на судѣ, въ отвѣтъ на неумѣстные и не- вѣ-

ное движеніе въ Галиціи», у Пыпина и Спасовича: «Истор. Слав. Литературъ», 2-е изд. т. I, и у Туриса: «Литер.-политич. партій въ Галиціи» въ «Дѣлѣ» (истерб.) 1881, Сент.)

*) См. въ «Вольномъ Словѣ», въ №№ 26, 28.

*) Вслѣдъ за окончаніемъ процесса галицкихъ «москво-фильовъ» мы прочли извѣстіе объ аресто- ваніи одного сотрудника «украино-фильской» газеты «Заря» тоже за «нациславистическую» пропаганду.

жественные вопросы старшины присяжных (присяжные и публика с удивлением узнали из показаний буковинского священника, что православная церковь не зависит от русского царя и что членов иерархии буковинской православной церкви назначает австр. император) — отвечал, что «российская правосл. церковь может считаться за иерархический раскол (даже) в церкви восточной»!!! Г. Марков (редактор газет с столь радикальными названиями, как «Вѣче» и «Проломъ» и действительно еще один из божьих смѣлыхъ подсудимыхъ) на вопросы о письмахъ его въ Вильну, въ которомъ онъ называетъ себя «искреннимъ поклонникомъ православія и панславизма», — отвечаетъ, вмѣсто: «а вамъ какое дѣло?», — слѣдующими постыдными словами: «я былъ въ стѣненномъ положеніи; а тамъ (въ Вильнѣ) было вакантное мѣсто; а въ такомъ случаѣ пишется такъ, чтобъ получить мѣсто»!!! Въ такомъ же родѣ нѣсколько разъ высказался и г. Плоцанскій: «для меня главное подписка!»

И этихъ людей представляютъ намъ російскіе публицисты изъ «Руси», «Моск. Вѣдомостей», «Новаго Времени» и т. п. развитыми національными и народными дѣятелями, людьми твердыхъ убѣжденій и прочихъ добродѣтелей! Такъ какъ и эти публицисты обильнымъ писаніемъ о львовскомъ процессѣ приняли свою долю участія въ его позорѣ, то мы должны остановиться и на нихъ. Эти публицисты присваиваютъ себѣ монополію любви къ славянамъ и слывятъ на весь міръ органами будто бы могучей русской «панславистической партіи». Намъ далеко повело бы, если бы мы стали говорить объ этой партіи даже по тѣмъ матеріаламъ, какой дастъ львовскій процессъ. Не однократно мы имѣли случаи, — между прочимъ и по поводу галицкихъ дѣлъ, — фактами доказывать, что вся дѣятельность російскихъ жеславянофиловъ есть ничто иное, какъ смѣсь узости идей съ невѣдѣніемъ настоящаго положенія славянства, смѣсь фразерства съ лицемеріемъ и явнымъ обманомъ публики въ западной славянщинѣ и въ Россіи. Теперь мы укажемъ только на нѣсколько фактовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, какъ они явно обманываютъ свою публику по поводу разбираемаго процесса.

Названные газеты представляютъ своей публикѣ подсудимыхъ львовскаго процесса людьми вѣрными австрійскому государству и государю, но въ то же время вѣрными и своему народу, народу, по ихъ словамъ, такому же русскому, какъ единый русскій народъ въ Россіи. Подсудимые-де страдаютъ за то, что сохраняютъ нравственную связь, особенно литературную, съ единой русской націей, какъ напр. тирольцы сохраняютъ ее съ націей нѣмецкой. Твердые патріоты эти борятся-де за эту связь и единство не только съ поляками, но и съ созданіемъ этихъ послѣднихъ, съ украинфилами, — измѣнниками русскому народу въ Россіи и въ Австріи *).

*) При сей вѣрной окказіи «М. В.» и «Русь» спѣшатъ поставить на счетъ «украинфиловъ», въ томъ числѣ даже «женевскихъ», недавній брошюрки г. Кулиша, въ которыхъ этотъ усердный работникъ, по видимо вышедшій въ какое то бѣдственное состояніе, оплевываетъ (извините слово, но, право, дру-

Не намъ дѣло разбирать здѣсь вопросъ о вѣрности гг. Плоцанскихъ, Добрянскихъ и т. п. австрійскому государю и государству (мы только совѣтовали московско-петербургскимъ жеславянофиламъ установить какую нибудь одну логическую точку зрѣнія на этихъ господъ, которые у нихъ выходитъ разъ «восточными тирольцами» (die Tiroler des Ostens), какъ и звали галицкихъ рутенцевъ въ вѣльскихъ оффиц. сферахъ въ 1848—59, въ другой закарпатскими претендентами), но мы охарактеризуемъ, по ихъ собственнымъ показаніямъ, ихъ отношеніе напр. къ вопросу о единствѣ литературнаго языка въ Галиціи и въ Велико-руссіи.

Такъ, г. Плоцанскій, спрошенный насчетъ статьи «Слова» въ 1867 г., по которой галичане признаны настоящими русскими (по польски rossyjanie), — отвечалъ: «мы въ Галиціи галицкіе русины; есть Русь Малая и Великая, Бѣлая, Красная, Черная.... Мы принадлежимъ къ Малой Руси *), къ Южной Руси. Въ теоріи я былъ за единство литературное, но только такъ, въ теоріи; это такъ себѣ была теорія, какъ много другихъ теорій. (Дѣлаетъ жестъ, выражающій пропію). Я не писалъ и не пишу по російскимъ языкомъ». (Г. Пл—скій во всѣхъ рѣчахъ своихъ строго различаетъ ruski i rossyjski, какъ и польскіе историческіе патріоты; на судѣ онъ говоритъ по польски). Въ «Словѣ» я пишу на малорусскомъ языкѣ.... но приспосабливаю для интеллигенціи... Я употреблялъ не хлонецкій языкъ, а лучший, но не російскій. Я писалъ «мѣшаниною».

Г. Ад. Добрянскій, какъ венгерско-нѣмецкій бюрократъ, по воспитанію и политическимъ идеаламъ, еще рѣзвѣе презираетъ хлонецкое, совѣтъ не владѣть даже мѣшаниною г. Плоцанскаго, — но въ то же время, видимо, также не владѣть и російскимъ языкомъ (на судѣ онъ говоритъ по нѣмецки, письма его дѣтей, читанныя на судѣ, писаны по нѣмецки же). Онъ взялъ было на себя миссію примирить галицкія языковыя партіи и предложилъ имъ писать — какъ вы думаете, на какомъ языкѣ? — на церковно-славянскомъ! Какъ видите, если съ г. Плоцанскимъ мы возвратились бы къ Симеону Полоцкому, — избавившись, конечно, отъ Шевченка, но за то и отъ Пушкина; то съ г. Добрянскимъ посупились бы къ Остромирову Евангелію, тоже, конечно,

гаго въ данномъ случаѣ нельзя прибрать) — все прошлое украинскаго народа и возвеличиваетъ на счетъ его польское аристократическое государство. При этомъ московскіе обвинители съ самою безцеремонною дерзостью онукуютъ то обстоятельство, что брошюры г. Кулиша встрѣтили самое рѣзкое порицаніе во всѣхъ сколько нибудь прикосновенныхъ къ украинфильству изданіяхъ въ Россіи и Австріи, а также и то, что г. К. выказалъ тоже отношеніе къ украинской исторіи нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Россіи въ «Исторіи воссоединенія Руси», въ «Русскомъ Архивѣ» и т. п., — въ которыхъ только онъ восхвалялъ на счетъ украинцевъ не польское, а московское государство, — къ великому удовольствію московскихъ централистовъ, а также и то, что отрицательное отношеніе г. Кулиша къ укр. казачеству и черни, — основа его умиленія то передъ Москвою, то передъ Польшей, то передъ обѣими, — есть только крайняя форма тѣхъ взглядовъ, которыхъ держался прославленный оффиціозный исторіографъ, С. М. Соловьевъ.

*) «Мы» же — Красная Русь; судите послѣ этого о путаницѣ этнографическихъ идей г. Пл—аго! Но теперь не о томъ дѣло. М. Д.

избавившись отъ Шевченка, по за то даже и отъ Слова о Полку Игоревѣ, и Новгородскихъ и Ипатской лѣтописей, не говоря уже о великорусскихъ «хлопонапахъ» отъ Ломоносова до Некрасова. Такого ли «единства» желаютъ лицемеры и обманщики «Руси», «Моск. Вѣдомостей» и т. п., которые читали же протоколы судебныхъ преній львовскаго процесса, если уже они не читали никогда писаній такихъ поборниковъ русскаго единства, какъ г. Плоскій? Если такого, такъ пусть такъ и скажутъ!

Или быть можетъ имъ правится третья форма литературнаго единства вся Русь, изложенная на судѣ г. И. Наумовичемъ?

Надо сказать, что И. Наумовичъ одинъ изъ лучшихъ людей старой галицкой партіи, чей-то съ энергіей и талантами, имѣвшій своей часъ дѣйствительной службы своему народу посредствомъ агитаціи противъ пьянства, въ пользу берегательныхъ касетъ, громадскихъ хлѣбныхъ магазиновъ, лавокъ, читаленъ, посредствомъ изданій нѣкоторыхъ недурныхъ народныхъ книгъ, — писанныхъ народнымъ языкомъ и потому близкихъ къ языку російскихъ украинцевъ. Самъ онъ въ послѣдней рѣчи на судѣ сказалъ: «Всѣ мои сочиненія я выдавалъ на малорусскомъ языкѣ, хотя для интеллигенціи я пишу языкомъ болѣе выработаннымъ.»

Объ этомъ «выработанномъ», или «высшемъ» языкѣ не разъ говорилъ въ своихъ газетахъ г. И. Н-чъ, отрицая ученіе украинфиловъ, которые считаютъ возможнымъ развитіе его и въ Украинѣ, или Малой Руси, — російской и австрійской, — какъ и вездѣ на свѣтѣ, на почвѣ пароднаго языка и которые онытомъ доказываютъ это. Г. Н-чъ находитъ малорусскій хлонецкій языкъ не способнымъ для такого развитія, но вовсе не хочетъ замѣны его языкомъ великорусскимъ, которымъ онъ тоже недоволенъ, а хочетъ образовать какой то новый высшій и общерусскій языкъ при помощи церковно-славянскаго. На судѣ г. Наумовичъ изложилъ еще болѣе странную теорію русскаго литературнаго единства, по подобію, какъ онъ думаетъ, древне-греческаго. По его словамъ, великорусскій языкъ, соотвѣтственный аттическому, былъ бы языкомъ наукъ; малорусскій, подобный іоническому, — языкъ поэзіи, а церковно-славянскій будетъ отвѣчать дорическому. По этой удивительной доктринѣ, Шевченко остались бы на свѣтѣ, но Пушкинскихъ бы не было, — а какова была бы роль церковно-славянскаго языка (который, какъ своего рода православная латынь, отжилъ свое время и въ церкви), того мы и вообразить не можемъ. Если онъ долженъ соотвѣтствовать дорическому языку, то слѣдуетъ думать, что г. Н-чъ предложитъ его въ языкъ военнаго министерства и полевой команды Великія, Малыя и Бѣлыя Руси, или von allen Reussen, какъ выражался онъ на судѣ.

Какъ видитъ читатель, ни одинъ галицкій «общерусскій» не понимаетъ вопроса о русскомъ литературномъ единствѣ согласно съ централистическими теоріями, существующими на этотъ счетъ въ Россіи, т. е. ни одинъ не стоитъ за употребленіе великорусскаго лит. языка на своей родинѣ, а большая часть признаетъ въ

томъ или иномъ видѣ значеніе малорусскаго языка. То же всерусское единство и тотъ высшій языкъ, какой они противопоставляютъ стремленіямъ украинфиловъ развить до высшей степени мѣстный народный языкъ и возстановить черезъ то единство между всѣми классами населенія на Украинѣ, — совѣтъ, особаго и, какъ мы сейчасъ видѣли, довольно курьезнаго рода.

Не будемъ говорить о томъ, къ чему бы привело приложеніе теорій гг. Пл—скаго, Н—ча, Добр—скаго и т. п., теорій или устарѣлыхъ или сумбурныхъ, — въ Россіи, въ Великороссіи и въ Малороссіи, — но въ Галиціи онѣ приводятъ только къ обезпечиванію русиновъ въ борьбѣ съ поляками. Относятся презрительно къ украинской рѣчи, какъ къ хлонской, — протеже російскихъ лжеславянофиловъ остаются или при мертвой мѣшанинѣ, — или же при польскомъ языкѣ (какъ въ Венгріи при мадьярскомъ), — чему доказательство мы видѣли и на судѣ. Всѣ подсудимые галичане, кромѣ крестьянъ, говорили по польски, — и когда, послѣ того какъ крестьяне говорили своимъ русскимъ языкомъ т. е. малорусскимъ и присяжные сказали, что они ихъ понимаютъ (какъ и слѣдуетъ ожидать отъ знателей Львова, хотя бы и поляковъ и евреевъ), — председатель суда предложилъ и г. Наумовичу говорить своимъ народнымъ языкомъ (на что каждый русинъ въ Австріи имѣетъ право и по закону), — г. Наумовичъ замѣтилъ: «такъ какъ я долженъ буду выражать высшія понятія, а въ мужицкомъ (ludowem) языкѣ я не найду для этого словъ, то я буду говорить по польски» *).

Слова эти произвели большую сенсацию въ залѣ судебной. Для понимающихъ дѣло нѣтъ надобности пояснять, на сколько слова эти поддержали ту польскую партію, которая желаетъ отнять у русиновъ школы, особенно среднія и кафедры въ университетѣ, на томъ основаніи, что ихъ хлонскій языкъ не способенъ къ выраженію высшихъ понятій. Г. Наумовичъ самъ понялъ это и старался въ послѣдней рѣчи оправдаться передъ своими земляками, но это ему не удалось.

Какъ нарочно, въ то же время происходила другой процессъ, о которомъ, конечно, гг. Катковы и Аксаковы не сообщаютъ своей публикѣ, — хотя онъ тоже связанъ съ Гинлицкимъ дѣломъ, — процессъ помѣщика Гинличекъ противъ украинфильской газеты «Діло». Читатели «Вольнаго слова» знаютъ, что мы далеко не принадлежимъ къ числу поклонниковъ этой газеты, ни львовскихъ украинфиловъ вообще. Но посмотрите, на сколько достойнѣе и выгоднѣе для огражденія національных интересовъ русиновъ было поведение этихъ украинфиловъ въ ихъ процессѣ, сравнительно съ поведеніемъ гг. Плоцанскаго, Наумовича и т. п. Украинфила (редакторъ «Діла» г. Вл. Барвинскій и свещ. Ст. Ка-

чала) говорили на своемъ родномъ языкѣ — и когда обвинитель, д-ръ Яцковский, воспроизвелъ тому и, пускаясь на обыкновенный въ такихъ случаяхъ у польскихъ Катковыхъ фортель, заявилъ, между прочимъ, что «Діло» пишется и подсудимые говорятъ языкомъ московскимъ, — подсудимые отвѣтили, что онъ не компетентенъ судить о томъ, а что они говорятъ своимъ народнымъ языкомъ, который, какъ языкъ страши, долженъ быть понятенъ мѣстнымъ судьямъ и присяжнымъ, — и настояли на своемъ. Нѣкоторые изъ присяжныхъ закричали: «будемо розуміти, будемо!» Одинъ полякъ съострилъ, воскликнувъ: п а н н а ю! — и процессъ отбылся по русски, а не по польски.

Подобные примѣры всего лучше показывають все значеніе «украинфильскаго» движенія для національнаго и народнаго дѣла русиновъ въ Австріи и весь вредъ движенія лжеславянофильскаго, «москвофильскаго», а наконецъ причины его вымирания, которое очевидно въ послѣдніе годы. Первое старается опереться на живыхъ и мѣстныхъ, народныхъ силы; второе держится схоластической старинною и гонится за далекимъ, все жъ таки чужимъ, — и потому ведетъ къ мертвенности, къ правдивенному абсентизму, а потомъ и къ эмиграціи и въ концѣ концовъ къ отступленію передъ живымъ, близкимъ противникомъ (польскимъ элементомъ), съ которымъ думали бороться съ надеждою на помощь изъ виѣ, изъ далека. На сколько партія гг. Плоцанскаго и Наумовича утратила почву подъ ногами и на сколько естественное предводительство въ національной борьбѣ галицкихъ русиновъ съ поляками перешло уже отъ старыхъ рутенцевъ и москвофиловъ къ украинфиламъ, — это ясно и изъ документовъ, опубликованныхъ въ разбираемомъ процессѣ. Изъ переписки гг. Наумовича и Маркова видно, на сколько они обезпокоены успѣхомъ «Діла» и «Батьківщини» (попул. газета) сравнительно съ изданіями ихъ партіи; изъ свидѣтельскихъ показаній мы видимъ, какъ сами громады подписываются на «Батьківщину», а не на «Проломъ» и т. п. «Московскія Вѣдомости» и «Русь» осмѣливаются утѣрять свою публику, будто «поляки» поддерживаютъ (даже будто бы субсидіями) украинфильскія изданія противъ «чисто-русскихъ» *). Но это самая безцеремонная ложь: достаточно прочесть показанія польскихъ, полицейскихъ агентовъ въ этомъ же процессѣ, чтобы видѣть, какъ они называютъ и украинфиловъ москалями, ихъ изданія московскими и т. д. А если слѣдить за галицкими дѣлами хотя 2—3 мѣсяца, то насчитаемъ десятки конфискацій на «Діло» и «Батьківщину» **).

*) На процессѣ была прочитана между прочимъ одна изъ многихъ статей Моск. Вѣд. въ такомъ родѣ, — которая сводилась къ тому, чтобы выпросить въ Россіи субсидію для «многогосударственной газеты» г. Плоцанскаго. Тамъ же процитированы были слова г. Геровскаго (галицкій нотабль и зять г. Добрянскаго) «эти дурачества написалъ самъ Плоцанскій.»

**) Такая же безцеремонная ложь и — утѣрненіе, будто украинфила относится враждебно къ Россіи и къ русской литературѣ. Украинфила, какъ и множество великоруссовъ, ненавидятъ російскія порядки, которые дѣлаютъ возможными формы, въ родѣ запрещенія даже «боже, царя храни» въ украинскомъ переводѣ. Что же до литературы, то въ Га-

«Украинфильство» растеть, а «москвофильство» мреть въ Галиціи потому, что первое есть дѣло, стоящее на живой, мѣстной, народной почвѣ, а второе — мертвое, безпочвенное; — а тамъ, гдѣ еще нѣтъ ничего подобнаго украинфильству, какъ напр., въ отечествѣ г. Добрянскаго, гдѣ прежде царствовала у мѣстныхъ русскихъ патриотовъ исключительная аксаковщина, тамъ теперь нѣтъ ипакаго русскаго движенія и даже число русиновъ уменьшилось съ 500,000 на 400,000! *)

Уже изъ приведенныхъ выше примѣровъ можно видѣть, во что собственно обратилось движеніе, которое гг. Катковы, Аксаковы и ихъ сателлиты выдаютъ за настоящій патриотизмъ и народное направленіе среди русиновъ въ Австріи. Но мы еще не сказали о самомъ позорномъ. Изъ дѣла оказалось, что сынъ г. Ад. Добрянскаго, г. Мирославъ Д—скій, чинившій петербургскаго министерства внутреннихъ дѣлъ и членъ славянскаго благ. общества, сотрудникъ петерб. и московскихъ газетъ лжеславянофильскаго направленія (по всему видно, С.-Вѣдомостей, Новаго Времени и Руси) пріѣзжалъ въ Галицію набирать платныхъ агентовъ для наблюденія за «нигилистами», — и что сынъ г. Наумовича вмѣстѣ съ другими лицами той же партіи взялся за эту постыдную роль, при чемъ г. Наумовичъ — младшій унизился до доносовъ на своихъ товарищей въ Вѣнскомъ университетѣ, членовъ общества «Січ». Членъ слав. благотв. общества оказывается просто — агентомъ III отдѣленія, который поручилъ г. Наумовичу, между прочимъ, выслѣдить въ «Січи» предполагаемаго убійцу Мезепцева, — что все г. Аксаковъ въ свой «Русь» находитъ вполне естественнымъ и похвальнымъ!!!

Такъ вотъ, во что обратилось московское

лиціи только украинфила и познакомили публику съ настоящимъ русскою литературою перводами изъ Пушкина, Гоголя, Державина, Некрасова, Щедрина, Успенскаго и др. и извлеченіями изъ работъ Костомарова, Пынина, Лавровскаго, Максимовича и т. п. «Москвофила» же могутъ противопоставить этой работѣ развѣдъ переводъ разсказа Тургенева «Собака» (Песъ) съ немецкаго (credit, poster!) на «мѣшанину» или «лучшій языкъ» *). Что до російскихъ украинфиловъ, то мы беремся документами доказать, что одинъ тотъ кружокъ, къ которому мы принадлежали, распространилъ въ четверо больше великорусскихъ книгъ среди русиновъ въ Австріи, чѣмъ всѣ славянскіе комитеты вмѣстѣ. Мы дѣлали и дѣлаемъ это съ прямымъ расчетомъ, такъ какъ чѣмъ болѣе австрійскіе русины знакомятся съ живою русскою литературою, тѣмъ болѣе переходятъ къ украинскому движенію. Въ виду указанного выше и здѣсь естественнаго роста этого движенія, спрашивается: на сколько выгодно и для политическихъ интересовъ Россіи то отношеніе къ нему, какое проповѣдуютъ гг. Катковы, Аксаковы и т. п.?

*) Замѣтимъ, что галицко-русское возрожденіе было пробуждено писаніями старыхъ украинфиловъ изъ Россіи (Котляревскій, Максимовичъ, Бодянский, Срезневскій) и съ тѣхъ поръ даже въ галицкихъ «москвофильскихъ» кругахъ признается до известной степени мѣстный народный элементъ. Хотя бы только въ элементарной литературѣ. Въ Венгерскую же Русь русская пропаганда зашла черезъ священниковъ великоруссовъ, состоящихъ при вѣнскомъ посольствѣ и пенгяскомъ консульствѣ, и не пошла дальше московской попомщины, которая, соединившись съ попомщиною мѣстною, дала было плодъ, который годенъ былъ для кул-сткамеры «монетровъ и раритетовъ», а не для жизни и политической борьбы.

*) Замѣтимъ кстати, что «высшимъ» языкомъ гг. Наумовичей и т. п. можно только писать (потому что бумага все терпитъ), а говорить имъ нельзя. Если кто «с о ч и н я е тъ» (и совершенно произвольно) несуществующій языкъ, такъ это именно эти господа, а вовсе не украинфила, какъ утѣряютъ «М В.» «Русь» и т. п. Украинфила развиваютъ существующій живой языкъ двадцатимиліоннаго населенія.

славянофильство; вот каких людей оно к себе притягивает! И вы думаете, что по крайней мере эти люди искренни?! Ни чуть не бывало! Г. М. Добрянский оказывается в то же время сотрудником и враждебных России мадярских газет, — а в разговоры его с г. Паумовичем старшим оба они оказываются вовсе не искренними друзьями российских порядков. Сам г. Паумович передает на судь этот разговор, который он вел с г. М. Д.—имъ, какъ съ членомъ слав. общества и чиновникомъ министерства, отъ котораго зависитъ допущеніе въ Россію заграничныхъ изданій. «Вы тамъ въ Россіи, говоритъ г. Паумовичъ, не беретесь за просвѣщеніе народа, а у насъ не мало есть книжекъ для народа; это бы и вамъ пригодилось, еслибы вы пускали наши книжки черезъ границу. У меня есть цѣлый складъ популяр. книжекъ; я могъ бы ихъ тамъ распродать» *). На это отвѣтилъ г. Добрянскій: «это не возможно; у васъ конституція, — у насъ абсолютизмъ; вы пишете о вѣсѣмъ парламентѣ, сеймахъ, объ уѣздныхъ совѣтахъ, о свободной жизни; а у насъ нельзя, чтобы такіа книжки или въ народъ, потому что этакіа вещи про б о у ж д а ю т ъ м ѣ с л и » ...

Довольно! Выводы изъ этого, какъ и изъ всего разсказаннаго, пусть дѣлаетъ самъ читатель, и если бы по прочтеніи всего этого, онъ хоть немножечко пересталъ позволять московскимъ лгунамъ обманывать его, — то мы сочли бы себя сторицею вознагражденными за кунаніе въ типѣ грязи и тупости, которую представляетъ изъ себя протоколъ разобраннаго нами процесса.

М. Драгомановъ.

Талмудъ ли, или жизнь препятствуетъ евреямъ заниматься производительнымъ трудомъ? **).

За нѣсколько недѣль до возникновенія извѣстныхъ «беспорядковъ» въ Елизаветградѣ, гдѣ впервые и было поднято знамя гра-

*) Какъ было замѣчено, между изданіями г. Паумовича есть вещи, писанныя очень недурно и недурнымъ народнымъ языкомъ, — конечно украинскимъ, только правописаніемъ церковнымъ, которое, къ стати сказать, и есть официальное въ Австріи правописаніе, а вовсе не проклинаемая московскими филологами или (не совѣтъ точно) кулишюшка, на которую еще недавно ополчались «Московскія Вѣдомости» устами своего вѣнскаго «ласкательнаго очевидца». Московскіе обрусители совершенно напрасно полагаютъ свою публику: въ Австріи лгательно писать: Сѣ чь, к ѳ нъ, т. е. такъ само, какъ велитъ украинцамъ писать и законъ Юзефовиче-Толстовско-Тимашевско-Потановскій 16 мая 1876 г., а вовсе не Січ, кінъ, какъ пишутъ злокозненные украинюфилы, сообразуясь съ произношеніемъ и логикой.

**) По настоящему желанію автора, мы печатаемъ эту статью такъ, какъ она намъ доставлена, со всѣми ея рѣзкими и подчасъ триніальными выраженіями. Въ ряду прочихъ признаковъ и эти выраженія служатъ своего рода документами для характеристики того настроенія, въ какомъ находится теперешніе еврейскіе народники. Для полнаго еврея и для общей пользы желательно, чтобы это настроеніе во многомъ измѣнилось на болѣе самообладательное, — что, конечно, наступитъ, когда еврей-народники высказутся съ полной откровенностью. Давши одному изъ нихъ эту возможность, мы въ слѣдующихъ №№ возобновимъ печатаніе статей о еврейскомъ вопросѣ, который, по нашему мнѣнію, ставить этотъ вопросъ болѣе объективно. (Ред.)

бежа и насилія *), возникла новая еврейская секта «братьевъ библейцевъ», которые отвергали нѣкоторые основныя догматы еврейской религіи, какъ законы о нищѣ, обрѣзаніе; совершенно отреклись отъ талмуда и торжественно обѣщались не содержать кабаковъ, лавочекъ, не отдавать денегъ на проценты и т. д. Въ самомъ началѣ своего возникновенія секта эта обратила на себя мало вниманія въ средѣ еврейства, и даже русско-еврейскіе органы ограничили однимъ упоминаніемъ о ней. Только впоследствии, когда уже послѣ опустошенія Елизаветграда, Березовки, Апаньева и Кіева, вдохновитель «новоявленныхъ» братьевъ обратился къ евреямъ съ печальнымъ письмомъ, — о новой сектѣ заговорили всѣ русскія газеты съ похвалою и поглаживаніемъ по щекамъ, а русско-еврейскіе органы, какъ сами евреи, съ отвращеніемъ и негодованіемъ. Дѣйствительно, надо обладать если не безстыдствомъ, или отсутствіемъ элементарной честности и всякаго человѣческаго достоинства, то уже по крайней мере тупой головой, чтобы въ такое время обратиться къ евреямъ съ такимъ безтактнымъ письмомъ. Въ началѣ этого письма, авторъ проливаетъ нѣсколько ехидныхъ, крокодильевыхъ слезъ о постигшей евреевъ участи, а затѣмъ этихъ оплакиваемыхъ жертвъ обдастъ цѣлымъ ушатомъ самыхъ живыхъ неосновательныхъ обвиненій, причемъ съ безпримѣрнымъ самооплеваніемъ и гадкимъ, недостойнымъ даже холона занесиваніемъ у побѣдителя, старается облить грабителей, дѣлая весьма прозрачныя намеки на переходъ въ ихъ лагерь. Здѣсь не мѣсто вдаваться въ подробный разборъ тѣхъ претензій, какія встрѣтила бы эта секта въ еврейской массѣ, помимо своего недостойнаго раблѣнствованія передъ кулакомъ и палкой. Скажу только, что о религіозной реформѣ теперь меньше всего можно думать; что если эту реформу и надо было бы когда либо произвести, то произвести ее можно только на основаніи талмуда и съ его же помощью, такъ какъ именно талмудъ открываетъ путь къ широкимъ религіознымъ реформамъ; что еврейская масса приняла бы реформу только изъ авторитетныхъ рукъ, а не изъ рукъ всякихъ сомнительной честности проходивцевъ **), которыхъ единственная цѣль — добиться для себя лично тѣхъ же правъ, какими пользуются отрицающіе талмудъ караимы ***). Теперь я перейду къ другой сторонѣ дѣла, къ реформѣ, такъ сказать, бытовой или экономической, которую предлагали наши нѣжные «братья-библейцы». Прежде всего надо сказать, что съѣшно и глупо при такихъ силахъ производить бытовую или экономическія преобразованія ****). Извѣстныя бытовая или

*) Грабежа, какъ извѣстно, въ антиеврейскихъ беспорядкахъ было очень мало, авторъ былъ бы ближе къ истинѣ, если бы сказалъ: «знамя сѣдой мести». (Ред.)

**) Мы не понимаемъ, какія основанія имѣлъ авторъ такъ относиться къ личностямъ «библейскихъ братьевъ». (Ред.)

***). Замѣчу кстати, что ни одинъ караимъ не занимается производительнымъ трудомъ, между ними нѣтъ ни одного ремесленника, а всѣ они занимаются исключительно торговлей.

****). Говорить подобныя вещи — значить осуждать на смерть всякое новаторство. (Ред.)

экономическія условія даннаго народа не слагаются произвольно, но личнымъ желаніемъ, а глупо историческими причинами. Точно такъ же и отказаться отъ нихъ народъ не можетъ произвольно, но личному желанію: для этого надо измѣнить массу другихъ условій. Если это справедливо относительно всякаго самостоятельно живущаго народа, то это тѣмъ болѣе справедливо относительно евреевъ, которыхъ вся жизнь искусственно и насильственно создана цѣлымъ рядомъ подлага, гнуснаго гнета надъ ними со стороны другихъ народовъ.

Никто, можетъ быть, не желать бы столько, какъ я, чтобы евреи даже забыли о существованіи кабака и лавочки и занялись однимъ здоровымъ физическимъ и другимъ производительнымъ трудомъ. Я бы этого желать отъ всей души не потому, что на насъ перестали бы злѣть, а потому, что было бы желательно, чтобы Мойша и Файвель имѣли обезпеченный наконецъ кусокъ хлѣба, не питались болѣе однимъ чеснокомъ и дыбулей и получили наконецъ здоровые кулаки на всякій случай...

Да, занятіе исключительно производительнымъ трудомъ составляетъ пламенную мечту всѣхъ истинныхъ друзей еврейской массы; но, когда кто нибудь, къ какому бы лагерю онъ ни принадлежалъ, поднимаетъ крикъ противъ этой еврейской массы и начинаетъ ее упрекать въ томъ, что она живетъ непродуманнымъ трудомъ, то вся кровь бросается въ голову отъ негодованія. Подло и безчестно приковать человѣка къ цѣпи, и потомъ обвинять его въ томъ, что онъ топчется на одномъ мѣстѣ. Гнусно и бесовѣстно заключить человѣка въ темную, безвоздушную кануру, и упрекать его и даже безчеловѣчно бить за то, что онъ эту кануру не обратилъ въ цвѣтущую ниву. Упрекать евреевъ въ томъ, что они не занимаются производительнымъ трудомъ, тоже самое, что упрекать русскую массу за то, что она дико-нецивилизована, а пожалуй еще будетъ жестче. Ибо, въ то время, какъ русская народная масса, какъ и всѣ другія народныя массы терпятъ отъ однихъ правящихъ классовъ, духовныхъ и свѣтскихъ, еврейская масса терпитъ въ то же время и отъ самой этой дикой массы. Да и гнетъ отъ самыхъ правящихъ классовъ былъ для еврейской массы въ десять разъ тяжелѣе и въ матеріальномъ, и въ нравственномъ отношеніи.

Повторяю, должно отъ всей души желать евреямъ заняться производительнымъ трудомъ; вся задача друзей еврейской массы должна состоять исключительно въ томъ, чтобы направить евреевъ на этого рода дѣятельность, но злѣть озлобленно никто не имѣетъ права уже потому, что того, что создано двумя тысячами лѣтъ, не устранить этимъ ласкомъ, не отомстить никакими ушатами злобныхъ обвиненій, съ какой бы стороны ни лились эти помон: со стороны ли российскихъ публицистовъ, или елизаветградскихъ «братьевъ». Возвращаясь къ этимъ послѣднимъ, «библейцы» почему-то связали отреченіе отъ талмуда съ отреченіемъ отъ кабаковъ и лавочекъ. Для русской публики, рѣшительно незнакомой съ этой книгой, а если и знакомой, то изъ устъ такихъ шаромыжниковъ,